
А. В. РЯЗАНОВ

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Понятие «толерантность» относительно недавно вошло в широкое научное и публицистическое употребление в современной России. Имеет смысл разделить использование данного понятия собственно в научной литературе (существуют разнообразные его трактовки: психологические, социологические, философские и др.) и в литературе публицистического направления. Практически сразу оно стало модным, его начали употреблять по разным поводам, для того чтобы показать свою «незашоренность», степень своей демократичности и открытости всему новому. Случай, казалось бы, обычный в глобализирующемся современном мире. Но за кажущейся банальностью поднятого для обсуждения вопроса скрываются вполне реальные интересы тех структур, социальных групп, которые хотят подчинить даже объективно происходящие процессы мирового развития своим частным интересам, придав им нужную направленность и организовав соответствующее информационное сопровождение.

По мнению лингвистов, «толерантность» – пример сегментного концепта, который представляет собой базовый чувственный слой, окруженный несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции¹. Базовый слой включает когнитивные признаки – терпимость, сдержанность, которые наслаиваются на базовый, кодирующий образ и составляют вместе с ним базовый слой концепта. Среди сегментов выделяют толерантность: политическую, научную, бытовую, педагогическую, административную, религиозную, этническую, медицинскую, спортивную и др.²

---

¹ Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 34.

² Там же. – С. 35.

Использование данного термина носит в современной российской действительности иногда скрыто, иногда откровенно манипулятивный характер. Дело осложняется тем, что (это подчеркивают почти все пишущие по данной проблематике) в русском языке существует близкое по содержанию, но не совпадающее с ним понятие «терпимость». Слово «терпимый» В. И. Даль определяет как «что или кого терпят только по милосердию, снисхождению»³. Терпимость – это свойство, качество быть терпимым. Однако слово «терпимость» на наших глазах вытесняется из употребления и в обиходном, и в научном языке.

«Толерантность (от лат. *tolerantia* – терпение) – терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Один из основных демократических принципов, неразрывно связанный с концепциями плюрализма, свободы социальной и прав человека...»⁴. Таким образом, толерантность – это особого рода терпимость. Как антипод термину «толерантность» существует и используется термин «интолерантность».

Пользуясь термином С. Кара-Мурзы, «толерантность» – это слово-«амеба», не связанное с контекстом реальной жизни. По его мнению, такие слова «настолько не связаны с конкретной реальностью, что могут быть вставлены практически в любой контекст. Сфера их применимости исключительно широка... Слова-амебы – как маленькие ступеньки восхождения по общественной лестнице, и их применение дает человеку социальные выгоды»⁵. Подобные слова, становясь предметом моды, внедряясь в массовое сознание, дезорганизуют его, лишают его привычных ориентиров, вытесняют реальные цели мнимыми. При системном их использовании они переконфигурируют коммуникативное пространство реципиентов.

Так и термин «толерантность», вырванный из контекста, не имеет четко выраженного объема и содержания. Существует множество его разнообразных трактовок. Но в сознании большинства населения России (с подачи публицистов и деятелей науки) он имеет исключительно положительный смысл, то есть толерант-

---

³ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1991. – Т. 4. – С. 402.

⁴ Эфи́ров, С. А. Толерантность // Современная западная социология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – С. 352.

⁵ Кара-Мурза, С. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 90.

ность – это всегда хорошо, соответственно интолерантность (нетолерантность) – всегда плохо. На самом деле ситуация гораздо сложнее. Где границы толерантности? Где та грань, за которой она противоречит здравому смыслу и становится элементом мазохизма? Становясь элементом манипуляции, термин «толерантность» реально может способствовать снижению социальной, экономической и политической активности определенных слоев населения, этнических групп, которые в данном случае являются объектами манипулятивного воздействия. Причем к толерантности всегда призывают те силы, те социальные группы, которые имеют несомненные интересы в сохранении status quo в том или ином отношении. Естественно, что это связано с необходимостью ненасильственными средствами (через манипуляцию) добиться желаемого результата. Конечно, в данном случае термин «толерантность» используется в ряду многих других подобных терминов, образующих определенную смысловую «сетку» (таких, например, как «социальное партнерство», «гражданское общество»). Соответственно появление и активное распространение подобных понятий совпало с социально-экономическими и политическими реформами в России, начиная со времени распада СССР.

Слово «терпимость» имеет коннотации в русском языке, оно представляется менее жестким и соответственно более гибким. Оно оставляет возможность рассматривать ситуацию не в черно-белых тонах, а в полутонах, в нюансах. Оно оставляет границу (пусть и не вполне определенную) между тем, что терпеть можно, и тем, чего терпеть никак нельзя. И, главное, в последнем случае не возникает такого негативного смысла, как в случае употребления термина «интолерантность». При переводе иностранной научной литературы термины «толерантность» и «терпимость» используются как синонимы⁶, что затрудняет понимание изначально вложенного автором смысла, а он не может не быть иным, иногда существенно иным. Каждый язык, являясь результатом длительного развития общественной практики, вырабатывает свое понятие подобного рода, которое может отличаться неповторимым своеобразием и смысловыми нюансами. Соответственно каждое из них по-своему обуславливает поведение человека в рамках той или иной культуры.

---

⁶ Уолцер, М. О терпимости (On toleration) / пер. с англ. И. Мюрнберг. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. книги, 2000.

Толерантность можно рассматривать в широком смысле слова – с точки зрения ее наличия или отсутствия в тех или иных империях, при том или ином государственном устройстве (как это делает М. Уолцер), что тоже интересно и нужно. Гораздо реже встречаются исследования, рассматривающие толерантность среди этносов и этнических групп. В данном случае имеется в виду толерантность по отношению к членам своей группы и к членам иных этнических групп в случае межэтнических контактов. Совершенно очевидным будет тот факт, что толерантность к членам иных этнических групп в среднем будет существенно различаться, например, у чукчей, азербайджанцев и русских, живущих компактно в местах их традиционного проживания. Причем ее показатели будут подвержены серьезным изменениям в тех случаях, если речь идет о представителях этих групп, живущих за пределами мест их традиционного проживания.

Кампания, направленная против «русского фашизма» в российских СМИ и СМК (март – апрель 2006 г.), представляется спланированной заинтересованными в раскачивании ситуации сторонами. Тот факт, что по центральным ТВ-каналам по нескольку раз в выходные дни в разных передачах муссируется эта тема, не является случайным. Сознательно насаждается мысль о повышенной ксенофобии и об отсутствии толерантности в российском обществе. И это все при том, что степень толерантности русского населения традиционно высока. Это находит отражение в языке и культуре народа. Свидетельством этому являются закрепленные в русском языке с исторических времен коннотации со словом «друг» – «другой» в значении «такой же, равный, другой “Я”», чего нет, например, в языках романской группы⁷. Подтверждением этого факта также можно считать отсутствие господствующего народа в рамках Российской империи, что само по себе является уникальным в мировой истории. О том же говорят события последовавших за распадом СССР экономических и политических преобразований, которые не вызвали сколько-нибудь значительных (кроме отдельных

---

⁷ Тер-Геворкян, Н. А. Живой литературный язык как символ самостояния народа (субъективные заметки о русском языке) // Пространство и время в восприятии человека: историко-психологический аспект: Материалы IV Международной конференции. – СПб.: Нестор, 2003. – Ч. 2. – С. 202.

случаев) всплесков активного сопротивления населения в России, хотя формальных поводов было более чем достаточно. Наличие некоторого количества экстремистов, скинхедов не противоречит выше названным свидетельствам. Представляется, что это как раз тот случай, когда раскручивание темы реально осложняет ситуацию в данном отношении, а СМИ выступают в роли провокаторов, освещая деятельность немногочисленных экстремистских групп. Вероятно, инициатива такого рода деятельности может и не принадлежать непосредственно СМИ – здесь можно предположить существование более могущественного заказчика.

Продвижение и тиражирование идей о повышенной ксенофобии и угрозе «русского фашизма» в СМИ, вероятно, является попыткой правительства и находящихся у политической власти групп переложить ответственность за результаты собственной социальной и экономической политики, политики по отношению к молодежи на русский народ. Даже если бы это было и так, то это плоды именно их деятельности, так как «уродливые проявления ксенофобии, нацистского экстремизма – продукт духовного и нравственного разложения и деградации общества, которая напрямую связана с той антикультурной политикой, проводимой средствами массовой информации, и теми чудовищными условиями жизни, в которые погружена российская молодежь»⁸.

Не отстает в этом отношении и научная периодика, где известные специалисты пишут о тех, «кто идентифицирует себя с некой воображаемой общностью этнических русских и заявляет об ущемлении их исторических, культурных и политических прав, как в России, так и за ее пределами»⁹, и утверждают, что даже национализм русских не такой, как у всех, а ущербный. Он якобы не содержит модернизационной программы развития страны и всегда был и является сейчас «консервативным, защитным, компенсаторным и изоляционистским комплексом представлений»¹⁰. Все это в совокупности не может не создавать провокационный контекст,

---

⁸ <http://www.glazev.ru>

⁹ Зверева, Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et contra. – 2005. – № 2 (29). – С. 25.

¹⁰ Гудков, Л., Дубин, Б. Своеобразие русского национализма // Pro et contra. – 2005. – № 2 (29). – С. 11.

который легко может быть усугублен в том или ином отношении. Наличие такой ситуации отвлекает внимание от реально существующих, а не сконструированных заинтересованными сторонами проблем.

Существует также точка зрения, поддерживаемая, по мнению А. В. Дмитриева, практически всеми аналитиками, о том, что «в России наблюдается низкий уровень поддержки принципов толерантности»¹¹. Правда, он сам признает, что «фиксация степени интолерантности и толерантности в различных регионах представляется довольно сомнительным делом, поскольку индикаторы этих явлений довольно расплывчаты и изменчивы»¹². Действительно, следует признать, что измерения толерантности достаточно сложны, так как многие респонденты оказываются под воздействием «спирали молчания» и лишены политкорректности выражения лишь иногда выходят на поверхность, обнажая реально существующее в этом отношении проблемное поле. Представляется, что наиболее информативными в этом случае могут быть качественные методы. Однако следует также помнить, что сложно измерить то, что с трудом может быть определено, и не надо строить по этому поводу никаких иллюзий.

Существуют различные точки зрения относительно возможности существования универсального концепта толерантности. Так, Э. Гидденс полагает, что космополитическая толерантность существует¹³, другие утверждают, что «нет и не может быть межцивилизационных, межкультурных концептов толерантности»¹⁴. Об этом же говорит П. Л. Бергер: «Каждое из понятий: “адаптированность”, “зрелость”, “здоровомыслие” (толерантность – А. Р.) – относится к определенной ситуации и в отрыве от нее оказывается бессмысленным»¹⁵. Представляется, что все-таки правы сторонники второй

---

¹¹ Дмитриев, А. В. Миграция: конфликтное измерение. – М.: Альфа-М, 2006. – С. 119.

¹² Там же.

¹³ Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Вест мир, 2004. – С. 20.

¹⁴ Пайгунова, Ю. В., Гулова, Ф. Ф. Этнокультурные детерминанты толерантности как ценностного образования личности // Тезисы докладов и выступлений на II Международном конгрессе конфликтологов «Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия». – СПб.: Наука, 2004. – Т. 2. – С. 233.

¹⁵ Бергер, П. Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – С. 64.

точки зрения и толерантность культурно обусловлена, а сторонники глобализации переоценивают достижения последней.

На практике спекуляция на уровне СМИ, а также в науке термином «толерантность» способствует экономическому и политическому ослаблению тех этнических групп, где терпимость выражена изначально на достаточно высоком для данного социума уровне и дальнейшее ее культивирование может привести (и реально приводит) к утрате как реального, так и воображаемого статуса. Эти группы могут быть разными по численности и составлять как большинство того или иного социума, так и его малую часть. Особенно быстро эти процессы происходят в условиях аномии, когда существующие законы в значительной степени не соблюдаются или действуют селективно – не для всех ситуаций и не для всех людей. Следует также обратить внимание на тот факт, что бывают случаи, когда меньшинство демонстрирует интолерантность по отношению к большинству, особенно если оно чувствует чью-либо поддержку и уверено в толерантности этого большинства.

С другой стороны, «разные общества и традиции, а также разные ситуации делают границы насилия крайне размытыми: то, что в одной культуре есть безусловное насилие, в другой вполне терпимая и даже приветствуемая норма»¹⁶, а это говорит о том, что и уровень, и содержание, и проявления терпимости в этих обществах будут существенно различны. Таким образом, терпимость в каждом случае будет культурно обусловлена. В. А. Тишков указывает также на необходимость защиты большинства в современном мире. «Нам представляется, что наступивший новый век будет реакцией групп большинства на несостоятельные проекты от имени меньшинств по разрушению общего политического пространства вместо улучшения системы правления и культурной политики в рамках общего государства»¹⁷. Происходящие в современном мире события дают массу примеров, которые подтверждают справедливость такой точки зрения.

Подчас лишь интолерантностью и ее демонстрацией можно добиться толерантности от других, хотя бы даже лишь внешнего ее

---

¹⁶ Тишков, В. В. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 375.

¹⁷ Там же.

выражения. Толерантность и интолерантность взаимно переходят друг в друга и не могут существовать поодиночке, так же как и добро и зло. Интолерантность может быть благом, так как может помочь той или иной группе (социальной или этнической) отстаивать свои позиции, сохранив свой статус, или даже улучшить их. В этом смысле интолерантность является, вероятно, внешним выражением нонконформности и представляет собой нормальную групповую реакцию на происходящие вокруг изменения. В этом случае интолерантность, включая мобилизационный механизм, дает возможность группе сохранить себя как единое целое.

Избежать спекуляций на ниве толерантности можно, хотя в существующей в России ситуации достаточно сложно. На это направление исследований выделяются зарубежные гранты, проводятся многочисленные конференции. Представляется, что ситуация в этом отношении много больше выиграла бы, если бы эти усилия и средства были направлены на реальное изменение тяжелых экономических и социальных условий, в которых неожиданно для себя оказались многие социальные и этнические группы. Общая ситуация осложняется тем, что транслируемая сверху точка зрения на происходящее все более и более расходится с реальным положением вещей и это становится очевидным все большему количеству граждан.

Убедившиеся в возможности проведения подобных диверсий, в отсутствии видимого сопротивления со стороны тех слоев населения, которые подвергаются интенсивной манипуляции, современные «гении» управления все же переоценивают свои возможности (по крайней мере, в исторической перспективе) и тем самым провоцируют появление экстремизма. Невозможность изменения текущего положения дел претендующими на это силами при плотном контроле информационного и коммуникативного пространства государства и общества находящимися у власти социальными группами неизбежно подталкивает ущемленную сторону к внесистемным действиям. Эти действия (даже только их попытки) не могут не нарушать, казалось бы сложившийся, на взгляд представителей элитных групп, баланс интересов между различными слоями общества в рамках того или иного государства. Особенно велика опасность такого поворота событий в тех случаях, когда границы между этими социальными группами совпадают с этническими границами. Однако об этом балансе никто не договаривался,

и элитные группы плохо осведомлены о механизмах выживания низших слоев общества, о наиболее распространенных массовых настроениях в их среде. Естественно, что в таком случае о социальном партнерстве можно только говорить.

Толерантность, присущая различным группам населения, зависит, конечно, не только от социокультурного фактора, но и от многих иных факторов. Ее можно как укреплять при помощи проведения спланированных мероприятий, так и сознательно расшатывать, дезинформируя граждан о существовании происходящих событий посредством использования так называемого «языка вражды». Однако дело это достаточно опасное, так как предел эластичности системы в целом заранее не известен. Дело осложняется тем, что в этих процессах задействовано много факторов, и, следовательно, последствия сделанного не всегда возможно предугадать. Следует также отметить, что при помощи различного рода провокаций нельзя укрепить толерантность, а вот выстроить вертикаль власти в такой ситуации действительно проще.

Современные PR-технологии позволяют осуществлять реальный контроль над представляющими интерес территориями без установления формального контроля над ними. Это возможно при прочих необходимых условиях также за счет контроля соответствующего коммуникативного пространства. Коммуникативное пространство, имея свои коды, все же может быть подвержено влиянию целенаправленной информационной политики, осуществляемой посредством СМИ и СМК соответствующими группами интересов. Властная составляющая может блокироваться информационной: в революционных ситуациях власть может терять свой статус, поскольку информация разрушает ту систему подчинения, которая существовала до этого¹⁸.

Находящиеся у власти социальные группы кровно заинтересованы если не в упрочении, то в сохранении своего настоящего положения, а следовательно, они будут использовать все имеющиеся в их арсенале способы дискредитации своих политических противников, что мы сейчас и наблюдаем. Для их дискредитации как раз идеально подходит внедренная в сознание людей понятийная сетка, которая лежит в основе удобного для манипулирования дискурса

---

¹⁸ Почепцов, Г. Г. Информационно-политические технологии. – М.: Центр, 2003. – С. 20.

либерализма (гражданское общество – демократия – права человека – толерантность – социальное партнерство и др.). При этом вытесняются из употребления прежде широко используемые понятия правды, совести, справедливости. Таким образом, элитные группы стараются привить управляемым соответствующий строй мышления и сподвигнуть их на достижение долговременных целей. В этом случае практически производится программирование не только мировосприятия манипулируемых, но и их поведения. В результате этого подвергшиеся подобному воздействию люди перестают действовать рационально и часто действуют (или бездействуют) во вред себе. Именно «под заклинания о свободе, народовластии, правах человека в России появился новый политический мутант – криминальная плутократия в форме олигархии, маскирующаяся под демократию»¹⁹.

Анализируемые нами понятия, в том числе и «толерантность», с точки зрения формальной логики можно отнести к числу недостаточно определенных. У них нет четкого объема и резкого содержания. Но они обладают поистине гипнотическим воздействием на многих людей, так как от большого числа повторений их в положительном контексте через СМИ и СМК они могут восприниматься

и воспринимаются большинством как безусловно позитивные. «Язык есть эффективное средство внедрения в когнитивную систему реципиента концептуальных конструкций, часто помимо сознания реципиента, и поэтому язык выступает как социальная сила, как средство навязывания взглядов. Особое значение эти обстоятельства имеют в конфликтных ситуациях при неполной и недостоверной информации»²⁰. В таких условиях тексты, которыми обмениваются участники конфликта, зачастую оказывают большее влияние на формирование у них модели ситуации, чем на фактическое положение дел, и происходит парадоксальная трансформация онтологии мира. «Модели мира и знаний участников ситуации ста-

---

¹⁹ Возьмитель, А. А. Глобализирующаяся Россия // Мир России. – 2004. – № 1. – С. 112.

²⁰ Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 7.

новятся не менее, а, может быть, даже более “вещественны”, чем внешние, объективно определяемые обстоятельства»²¹.

Таким образом, попавшая под такое воздействие часть населения отодвигается на обочину социальной жизни и выводится из «игры». Находящаяся у власти эрзац-элита²² готова практически на все для удержания своего нынешнего положения. Ее мало что сдерживает, так как в периоды кардинальных трансформаций «межгрупповые различия в нормативных системах особенно возрастают: разные группы имеют весьма различные представления о том, за какие правовые и моральные рамки не должны выходить взгляды и модели поведения других групп, равно как и их собственные...»²³. В такой ситуации прежние идентификационные модели перестают действовать и осуществляется переход к неконтролируемому развитию. Каждая группа считает для себя возможным действовать по своему усмотрению, без оглядки на интересы других групп, ставя для себя главной целью удовлетворение своих потребностей и реализацию своих собственных интересов. Однако возможности в этом отношении у всех групп разные, и каждая из них демонстрирует свой собственный способ адаптации к окружающим обстоятельствам.

Конечно, экономическая нестабильность во многих регионах России не способствует повышению толерантности по разным линиям социального разлома: между группами, занимающими ведущие экономические и политические позиции, и социально незащищенными слоями, между местным населением и мигрантами. По-прежнему продолжается передел собственности на фоне безработицы и общей неустроенности большинства населения. В такой ситуации происходит накопление взаимных претензий, которые составляют основу конфликтогенного потенциала. Этот потенциал непременно находит свое выражение, если не в действиях, то в словах.

Язык отнюдь не является только средством коммуникации. В рассматриваемом нами контексте он является средством социального контроля. Интериоризируемые через посредство языка

---

²¹ Там же.

²² См.: Васильева, Л. Н. Синергетический подход в теории элит и его использование в политологии // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 5. – С. 97–114.

²³ Шабанова, М. А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. – 2001. – Т. X. – № 3. – С. 83.

ценности влекут за собой соответствующее социальное поведение. «Коррупция языка», появление слов с аморфным содержанием способствуют утрате навыков «поиска устойчивых критериев, с которыми можно подойти к оценке событий, процессов и конкретных политиков исходя из представлений о “дobre и зле” высшего порядка»²⁴. Вместо этого происходит переориентация внимания на имидж, который создается из мелочей, воздействующих на эмоции. Таким образом, социально слабая часть населения лишается перспектив улучшения своего положения (ведь нужно быть толерантным). Если что-то требовать от власти или от бизнеса, то лучше через институты социального партнерства и т. п. Если есть проблемы, их нужно решать через демократические процедуры, которые в нынешней российской ситуации существуют формально. Сейчас не является секретом то, что находится за фасадом этих процедур.

Манипулирование не всегда противоречит закону. «“Грязные” методы социального воздействия, выходящие за рамки закона и морали, включают недобросовестную рекламу и пропаганду, заключение сделок, наносящих ущерб одной из сторон, мошеннические операции. Некоторые технологии осуществляются в соответствии с законом и в настоящее время не вызывают морального осуждения. В повседневной практике хитрость, “обходные маневры”, заманивание противника (оппонента, соперника) в ловушку не осуждают, а, напротив, поощряют, если речь идет о военном, дипломатическом, политическом поприще и многих других сферах деятельности»²⁵.

Неоднозначность и даже парадоксальность толерантности отмечает Н. Н. Федотова. Критикуя определения толерантности ряда исследователей, она рассматривает ее как «признание легитимности законных и не расходящихся с моралью интересов другого и открытость по отношению к его опыту, готовность к диалогу и к расширению собственного опыта в этом случае»²⁶. В этом определении содержится, по крайней мере, один явно манипулятивный момент – в том месте, где упоминается мораль. Опыт показывает, что нет единой для всех морали, она культурно обусловлена. То, что будет моральным в рамках одной культуры, может быть амо-

---

²⁴ Кара-Мурза, С. Потерянный разум. – М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2005. – С. 221.

²⁵ Манипулятивные технологии в избирательных кампаниях в России. – М.: РГ, 2003. – С. 15.

²⁶ Федотова, Н. Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 6.

ральным в рамках другой. Представляется также, что нельзя считать толерантность одновременно и ценностью, и инструментом разрешения конфликта. Еще один момент, применительно к данному случаю, кажется интересным: даже в рамках одной культуры каждый человек обладает своей индивидуальной толерантностью, и она не является константой – она может меняться и меняется на протяжении его жизни. Таким образом, толерантность имеет не только коллективное, но и индивидуальное измерение. Сам факт этого еще больше запутывает и без того непростую ситуацию в отношении толерантности.

Так, толерантность каждого человека будет различной по отношению к представителям инокультурных этнических групп, по отношению к экономической, социальной, культурной политике правительства, по отношению к соседям по лестничной клетке, по отношению к алкоголизму, к проституции и т. д. Учитывая все выше изложенное, следует признать, что данное понятие невозможно более или менее четко определить. А именно такими понятиями удобнее всего манипулировать.

Сети манипулятивных понятий окутывают структурируемую ими в сознании реципиентов действительность, деформируют ее в нужном контролирующим информационное пространство группам направлении. При таком положении дел значительная часть населения РФ «действительно утратила некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки программы для организации действий в защиту хотя бы своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности... Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться тяжелым ударам, направленным на разрушение его самосознания»²⁷.

Свойственная русской культуре ориентация на содержание, примат содержания над формой вытесняются и заменяются свойственной странам Запада в целом ориентацией на форму. Это касается, в том числе, и коммуникации. Форма, выходя на первый план, бросающаяся, яркая, часто театральная, оттесняет содержание на второй план, а иногда и просто выводит его из «игры». Новые формы подачи материала, используемые СМИ, новые формы организации демонстративных коммуникаций на местной российской «почве»

---

²⁷ Кара-Мурза, С. Г. Государство переходного периода: исчезновение народа // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 1. – С. 15.

наполняются не свойственным им содержанием. Прежнее содержание, мифы, ценности, пусть и плохо оформленные, были все же своими, пусть и превращенными после событий начала XX в. в России. Проникновение и распространение новых мифов вызвали у значительного количества населения кризис идентичности. Предлагаемые новые идентичности более или менее успешно усваиваются представителями молодого поколения, в то время как представителям старшего поколения в этом отношении приходится намного труднее. Ситуация усугубляется также тем, что именно последние оказались наиболее пострадавшими в результате реформ.

Как подчеркивает Н. Н. Федотова, толерантность оказывается тесно связанной с идентичностью: «В противоположность расхожему мнению, что разрушение идентичности повышает толерантность, мы утверждаем обратное: только люди и народы, знающие, кто они такие, способны быть толерантными к другим»²⁸.

На практике происходит следующее: человек включается в игру, не сознавая этого. Он не субъект, а объект игры. Не он играет – им играют. У человека остается иллюзия того, что он свободен в своем выборе. Однако выбор за него уже сделан. Человек, постоянно меняющий идентичности, определенным образом «останавливается» на стадии детского возраста, ему не так интересна реальная жизнь с ее сложностями и невзгодами, она становится для него вторичной, от нее имеет смысл уклоняться по мере возможностей. Посредством симуляции человек субъективно реализует себя, попадая в «мэйнстрим», искусственно создаваемый для него СМК. Он становится в полном смысле слова массовым человеком. В данном случае манипуляции идентичностью объективно выступают в роли механизма завоевания и удержания политической власти, а также как инструмент социального контроля масс.

В такой ситуации если бы понятия «толерантность» не было в манипулятивном арсенале эрзац-элиты, то его было бы необходимо придумать. Без внедрения этого понятия в коммуникативное пространство было бы намного сложнее удерживать ситуацию под контролем во всех отношениях. Подобные понятия не просто воздействуют на сознание людей, но и способствуют систематическим сбоям в их мыслительной деятельности. Они не видят, казалось бы,

---

²⁸ Федотова, Н. Н. Указ. соч. – С. 15.

очевидных логических ошибок в воспринимаемой ими информации. В настоящее время сложно сказать, сохранилось ли единое социокоммуникативное поле российской культуры. Представляется, что, скорее, перед нами конгломерат различных полей, часть которых пересекается в некоторой области, другую же часть составляют поля, существующие параллельно и изолированно друг от друга. Степень такой изоляции в текущий период имеет тенденцию к увеличению. Это проявляется в росте коммуникативной, а значит, социальной дистанции между представителями различных слоев населения. Между представителями разных (особенно поллярных) социальных страт процесс коммуникации в смысле даже простого понимания друг друга будет затруднен. В случае неуспешной коммуникации возможны коммуникативный сбой (недостаточно адекватная коммуникация, недостаточно полное взаимопонимание участников коммуникации) и коммуникативный провал (неадекватная коммуникация, полное непонимание коммуникантами друг друга)²⁹. Одной из причин этого является уменьшение количества прецедентных имен, прецедентных ситуаций и прецедентных феноменов в целом, циркулирующих среди носителей того или иного языка. Этот факт можно считать одним из симптомов центробежных тенденций в том или ином социуме. Он явно присутствует в современном социокоммуникативном пространстве России.

Рассматриваемый социокультурный дрейф находит свое выражение в изменениях в концептосфере, понимаемой как чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира³⁰. Концептосфера тесно связана с менталитетом и оказывает на него решающее влияние. Изменение одного неизбежно должно вести к изменению другого. Внедрение в коммуникативное пространство манипулятивных понятий-концептов не может не менять многие его характеристики. Современная российская действительность дает хороший социологический матери-

---

²⁹ Красных, В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – С. 173.

³⁰ Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 23.

ал, подтверждающий эту тенденцию. Особенно это касается крупных российских городов.

Неоднозначно следует расценивать попытку и опыт внедрения в общественное сознание идей мультикультурализма, которые в российских условиях объективно ведут к дезинтеграции общества, а значит, и государства. Даже благополучные в целом США, Канада, Франция, Австралия имеют серьезные экономические и социальные проблемы в результате попытки реализации этих идей на практике.

В определенной степени сходные процессы, связанные с кризисом коллективных идентичностей, переживают многие страны быстро меняющегося под воздействием процессов глобализации мира. «Национальной идентичности пришлось уступить место идентичностям субнациональным, групповым и религиозным. Люди стремятся объединяться с теми, с кем они схожи и с кем делят нечто общее, будь то расовая принадлежность, религия, традиции, мифы, происхождение или история. В США эта фрагментация идентичности проявилась в форме мультикультурализма, в четкой стратификации расового, “кровного” и гендерного сознания. В других странах фрагментация приобрела форму субнациональных движений за политическое признание, автономию и независимость»³¹. Естественно, что общая картина в мире остается весьма пестрой, но в России она усугубляется в этом отношении тяжелым историческим наследием, в том числе и относительно недавнего советского прошлого, когда проблемы национальной идентификации были вытеснены на периферию, и было провозглашено образование единого советского народа. До сих пор значительная часть бывшего «советского» народа не вышла из состояния культурологического шока, наступившего после распада Советского Союза.

Использование понятия «толерантность» в современной российской действительности оказывается сопряженным с целым рядом понятий, относящихся к либеральному дискурсу. Этот круг понятий не без труда накладывается на реально существующее положение дел и существенно искажает восприятие окружающей действительности многими российскими гражданами. Несмотря на объективную необходимость наличия в социальной реальности явления толерантности, понятие, обозначающее его, является очень

---

³¹ Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. – М: АСТ, Транзиткнига, 2004. – С. 37.

удобным для манипуляции и часто используется для целенаправленного снижения активности социально ущемленных слоев населения в рамках государства.